

Рок, опера и... карма

Даже оканчивая авиационный институт, Андрей Шишкин знал: его собственный полёт состоится совсем по другому маршруту

Ирина КЛЕПИКОВА

Почти десять лет судьбу Екатеринбургского оперного, круто изменившуюся к лучшему, связывают с именем одного человека – директора Андрея ШИШКИНА. При этом сам Андрей Геннадьевич прошёл за эти годы, образно говоря, путь от Голгофы до Олимпа. Это сегодня у театра и его директора – лавры, фурор, хвалы. А когда-то...

– Никогда не забуду день, когда вас представляли коллективу. Зал битком. И отовсюду вопросы. Зарплата? Перспективы? Жильё? Места в ресторанах?.. Проблем оказалось много больше, чем годами представлялось со стороны. Как назло, и погода в тот летний день была на редкость пахотная. Дождь. Холод...

– Да, 1 июля 2006 года было плюс два на улице... Тот первый день в Екатеринбурге, с одной стороны, как во сне. С другой – я помню всё, что было на том собрании. Что спрашивали, как отвечал. Трудным было даже не само собрание. Труднее было начать работать. «Ужас от происходящего пришёл позже» (смеётся). Во-первых, уже в декабре пришла ревизия (и ушла только три года назад). Во-вторых, тотальное сопротивление не коллектива, нежелание ничего делать, тем более – то, что предлагал я. Плюс смена кадров. Трудно снять, уволить. Но ещё труднее было найти людей – я же никого в городе не знал.

Долгое время приходилось работать, не видя результатов. Сейчас, когда у театра уже несколько «Золотых масок», начинаешь осознавать: что-то получилось. А ведь прошло десять (!) лет. До сих пор ощущение заведённости: надо что-то делать, делать, делать, идти вперед... Было безумно трудно потому, что надо было создавать систему. По четыре-пять часов оперативных в день! Одни выходили, другие уже в приёмной. Я же не мог работать один, но я выбирал какие-то главные акценты. Первый акцент – выпуск спектаклей. Надо было чётко определиться с названиями и организовывать, выстраивать график работы пианистов, дирижёров, хора. До какого-то времени сам бегал-проверял: все ли уроки в классе взяты солисты? А что в декорационном цехе?

Но уже через полгода, в феврале, театр поехал на гастроли в Португалию. Не скрою: противостояние продолжалось и тогда. **Иные солисты говорили: это тебе Португалия нужна, а мы можем и не ехать, ты нам так «бабки» раздаёшь.** Коллектив был безумно заточен на деньги. Меня это так поразило: ведь это же театр! Как можно говорить: будем платить больше – будем петь лучше...

Важно было создать новую обстановку в театре: от «где наши «бабки»? человек – каждый!» – должен был перейти к разговору про новый спектакль, новую партию. Если спектакль едет на гастроли – должен быть кураж обязательно участвовать в нём.

– Сложность была ещё и в том, что вы – «человек со стороны». «Варяг»... При той скрытой и явной агрессии, нападках внутри театра и извне иногда казалось: ну сколько же может выдержать человек? Бросит, уедет... Не бросил.

– Понимаете: в 28 лет я стал директором Костромского областного драмтеатра. Он – второй в России по возрасту после Ярославского. Там всё пропитано духом *Островского*, традициями. Я проработал там меньше года – не хватало сил побороть худрука, который думал явно не о высоком искусстве. Ушёл, понимая: надо взять паузу. Пригласили заместителем министра. В табели о рангах должность вроде выше, но одно дело – кабинет в министерстве, другое – театр.

Сделав паузу, вернулся в театр – в драматический, в Уфу. И всё это время внутри анализ-рефлексия: «Ушёл – значит, не получилось? А может, надо было делать иначе?» Поэтому здесь я уже понимал: это не вторая попытка, это последняя попытка. А потому даже мысли не возникало – уехать, бросить. Да, было безумно трудно. Надо выпускать спектакли, а почти каждый день какие-то по-

верки. И Водоканал, и Мосторемонт... Не было разве что (смеётся) Рыбнадзора...

А что давало силы? Наверное, мысль: не уйти – единственный способ выжить. Кстати, именно в коллективе была и моя сила. Помните, когда театр уже совсем отчаянно прессинговали извне, коллектив выступил с публичным обращением: хватит недоверия и интриг, давайте работать. Удары были против меня, «варяга», но это же были удары против театра. В какой-то момент люди это осознали. Под давлением извне мы сплотились, стали едины в решении доказать собственную состоятельность. Я уже был не один!

Считается, что рождённый в провинции всю жизнь стремится в центр. Но для чего? Для ЧЕГО я рождён? Провести 100-летие оперного театра в Екатеринбурге? Уже, состоялось. Но оказывается: можно вести театр дальше, есть иные высоты. Убеждён: случайностей не бывает. Происходящее с тобой запрограммировано. Это – судьба. Карма. Полагаю, что и моё место здесь – не случайно. Ещё работая в Уфе, я почему-то именно сюда, в Екатеринбург, не раз, по схеме обменных гастролей (и ушла только три года назад). Драмой, Музыкой, привозил свой театр. Постоянно приезжал на фестиваль «Реальный театр». Жизнь словно готовила меня – съезды, знакомства. Тебе там жить и работать...

– Умение достойно сносить превратности судьбы, отстаивать своё «Я» – благоприобретённое или идёт из детства? В детстве могли, например, кому-нибудь в глаза дать? В какие-то защиты?

– Вряд ли. Я был трудолюбивым пятачком. Если четверка – в семье драма. Потом – золотая медаль. (Кстати, такими же воспитал и детей). Учился в физико-математическом классе, куда, как вы понимаете, отбирали лучших. В силу этого в самом классе уже было заложено соревнование. Но я выражал себя не тем, чтобы кулаком врезать, а проявить характер, знания, волю. Да, был как все – ранимый, вспыльчивый, эгоистичный. Это сохранилось и во взрослой жизни. Но!

Тут придётся сделать скачок во времени. В 1992-м я ушёл из министерства культуры. Понял: работа чиновника – не моё. Невозможно оценить собственный труд: результат очень размыт. В 1990-х все зарабатывали деньги. И я оброс системой малых предприятий. Был и за границей. Однажды встретившись мне в индийском аэропорту кришнаиты сказали: «Как так? Ты был в Индии, но не был во Вриндаване...» Я доехал до него. Стал читать о нём и вообще об Индии. Формально всё продолжалось: система малых предприятий, деньги, учредители, бухгалтера, но ментально это уже было нечто другое. Я всё время читал: «Упанишад» и «Пураны» и «Бхагавад-Гиту» – первые восемь песен, каждая по четыре тома. И я знаю, о чём «Бхагавад-Гита». Я был там, я видел всё. В том числе храм Кешава Дев, где родился Кришна...

Когда вернулся потом на госслужбу – директором драмтеатра, я вернулся уже другим. Исчезли ранимость, общительность, вспыльчивость. Появилось умение держать удар. Опера «Сатьяграха» в нашем репертуаре – личностно дорогой для меня спектакль: путь оказался похожим. Приходилось противостоять не насилем, а трудом. В самые трудные для театра времена мы не отвечали ударом на удар, не вступали в перепалку с оппонентами. Отвечая работой. Появилась и большая терпимость к людям – мне становилось жалко тех, кто вступил в себя агрессию, кто направлял её против меня и театра, но агрессия разрушала их самих.

Конечно, было и раздражение, и досада, но я не позволял ему проявляться вовне. Всё было внутри.

– Андрей Геннадьевич, судя по вашей биографии, к театру-то вы не сразу вырвались. Был даже авиационный институт...

– Нет, к театру сразу! В детстве я был мальчик болезненный, ревматический. Четвёртый-шестой классы оканчивал экстерном. Сидел дома, но

На премьере «Сатьяграхи». Об этом спектакле на сцене Екатеринбургского оперного Андрей Шишкин (в центре) мечтал, когда большинство даже не знало о существовании такой оперы

Считается: слон с поднятым хоботом привлекает в жизнь человека удачу. Но неплохо приложить в этом и собственную руку. Хоть в Индии, хоть в России

– По сей день?!
– Без этого никак. Постоянно всё на слуху. И постоянно читаю о роке – кто, что, где. **На каком-то этапе я даже предлагал: могу по памяти составить рок-энциклопедию. Распишу и группы, и составы, и альбомы. В алфавитном порядке... О, это большая часть жизни!** В Уфе удалось создать клуб филологов. Удалось познакомиться с человеком, который написал вторую в СССР (после *Ландсберга*) кандидатскую по рок-музыке. Он расширил мои горизонты. Вместе с ним я поехал в Ленинскую библиотеку, и в туалете (!) перефотографировал рок-энциклопедию *Ивана Стамбуля*. Без лишней скромности, у меня энциклопедические знания в области рок-музыки. Это единственное (улыбается), в чём я понимаю.

Когда возникло предложение возглавить Башкирский оперный, начал активно покупать DVD и CD по опере. И читать, читать. Сейчас, когда мы выбираем очередную оперу для репертуара, мы, например, с режиссёром *Ушаковым* можем сценить не на шутку, профессионально. Я в этом случае не просто администратор. Знаю, в каком театре что и в какой интерпретации идёт, какие голоса и амплитуды нужны для той или иной партии.

Сейчас мы стали активно приглашать постановщиков из-за границы. И очень сильно подкупают режиссёров, дирижёров, когда, разговаривая с ними, обнаруживаешь: ты не просто чиновник, ты не слуховишь в музыке человек. Говорить с ними на одном языке. Для них это просто открытие. А мне (улыбается) проще в данном случае вести переговоры.

– Придя в театр, вы сделали акцент на насыщении репертуара. Постановки были традиционные, академические, за что вас тоже били со всех сторон. И вдруг театр делал рок-музыку и опера?

– Достоинством школьного физико-математического образования было не только то, что ежедневно (!) у нас было по четыре урока физики и математики (труд, история, география или факультативно). Я в институте сопромат как семечки щёлкал... Достоинством было ещё и то, что в этом классе собралась личность. А время было какое? Стиль жизни, образ жизни – рок-мышление. «При нас» выходили альбомы групп, которые стали кумирами для многих поколений. Эти группы творили сегодня, сейчас, и мы, как из печи пироги, передавали их записи друг другу.

Вот вы говорите «в молодости», а я и по сей день (а окончив школу в 1977-м, почти 40 лет назад) прихожу домой и прослушиваю три-четыре концерта за вечер. Потом – джаз... И два альбома с утра. Это постоянно!

ли. И сегодня вы сами видите наши маршруты: Сербия, Италия, Португалия, Израиль, Германия, Лихтенштейн, Швейцария, Австрия. Вот она, Европа. Но на это ушло восемь лет. И большие сцены пришли после того, как мы много ездили по Азии. Чудес не бывает!

– «Сатьяграха», опера *Филиппа Гассса*, впервые поставленная в России, к тому же на санскрите, – ваша идея. Использовали служебное положение, чтобы приобрести уральцев, и шире – россиян, к красоте и философии вашей любимой Индии?

– Санскрит – очень певучий язык. Восточные языки вообще красивые. У меня сохранились друзья в Индии. Сикхи. И они говорят на разных языках, в том числе – на урду (пенджаби, белуджи, синд). А недавно я узнал, что много индусов имеют античные корни. Доблестные люди. Красивые. С характером. Когда они беседуют на санскрите – как это красиво звучит!
Я 13 раз был в Индии. Но когда-то, как я говорил, Восток и для меня самого стал неожиданностью. Воспитанные на отечественной и западной литературе, мы ничего не знаем о философии Востока. К сожалению. И более того, смотрим вульгарно на кришнаитов, предполагая, что это какие-то «неправильные люди». Я видел многих туристов, которые приезжают в Индию со своей водой и ею чистят зубы: дальше отела, мол, сплошная грязь. Таких большинство. **Елена Блаватская** ещё в XIX веке писала: люди полярно воспринимали Индию. Одни видят только грязь, другие – высочайшую духовность, какой нет в Западе. Когда-то мы поехали в Индию с приятелем: он – больше по барам, а я пошёл пешком по всем их храмам. Теперь-то я понимаю: карма. Это было не «я приехал», это судьба меня привела туда. Для чего-то. С какой-то целью. Теперь я её осознаю. Прощли годы – и мы поставили «Сатьяграху».

– Качественный рывок театра многие связывают с получением в 2008 году правительственного гранта, а ещё со статусом. Мол, театр федеральный...

– Да в федеральном подчинении театр с 1979 года! Но когда я его принял, здесь была самая низкая зарплата и самая высокая текучка кадров, самые неуклюжеватые цеха. Хор ушёл...

Грант-то можно по-разному использовать. Мне кажется, мы – яркий пример того, как заработали деньги. Мы хор восстановили. Он не хуже того, который ушёл. Восстановили балет. Переукомплектовали оперную часть труппы, и теперь что ни голос, то – песня. Наши солисты поют уже и в Маринке, и в Большом. Конечно, «федеральный» – это статусность, это помощь Москвы. Но это – не устаю повторять – и счастье региона, что у него есть федеральное учреждение. Надо использовать эту статусность для знакомости региона. В конечном счёте работаем-то мы именно на регион.

– Хотя всё чаще и чаще представляете своё искусство даже вне России. Театр начал выезжать за рубеж в то время, когда коллеги из других театров не могли себе позволить выехать даже в соседний город. Доброхоты, правда, и тут не упускали возможности связаться: мол, едут не в Европу, а на второстепенные азиатские сцены.

– На тот начальный момент оставались ещё наработке по Уфе, связи с импрессио в Бангкоке, в Португалии. Личные контакты и позволили несколько раз вывезти труппу. Но я понимал: надо срочно создавать структуру управления, в том числе – международный отдел. И уже с участием его сотрудников мы начали методично писать во все концы мира – заявляя на разные фестивали.

– Самскрит – очень певучий язык. Восточные языки вообще красивые. У меня сохранились друзья в Индии. Сикхи. И они говорят на разных языках, в том числе – на урду (пенджаби, белуджи, синд). А недавно я узнал, что много индусов имеют античные корни. Доблестные люди. Красивые. С характером. Когда они беседуют на санскрите – как это красиво звучит!
Я 13 раз был в Индии. Но когда-то, как я говорил, Восток и для меня самого стал неожиданностью. Воспитанные на отечественной и западной литературе, мы ничего не знаем о философии Востока. К сожалению. И более того, смотрим вульгарно на кришнаитов, предполагая, что это какие-то «неправильные люди». Я видел многих туристов, которые приезжают в Индию со своей водой и ею чистят зубы: дальше отела, мол, сплошная грязь. Таких большинство. **Елена Блаватская** ещё в XIX веке писала: люди полярно воспринимали Индию. Одни видят только грязь, другие – высочайшую духовность, какой нет в Западе. Когда-то мы поехали в Индию с приятелем: он – больше по барам, а я пошёл пешком по всем их храмам. Теперь-то я понимаю: карма. Это было не «я приехал», это судьба меня привела туда. Для чего-то. С какой-то целью. Теперь я её осознаю. Прощли годы – и мы поставили «Сатьяграху».

– Самскрит – очень певучий язык. Восточные языки вообще красивые. У меня сохранились друзья в Индии. Сикхи. И они говорят на разных языках, в том числе – на урду (пенджаби, белуджи, синд). А недавно я узнал, что много индусов имеют античные корни. Доблестные люди. Красивые. С характером. Когда они беседуют на санскрите – как это красиво звучит!
Я 13 раз был в Индии. Но когда-то, как я говорил, Восток и для меня самого стал неожиданностью. Воспитанные на отечественной и западной литературе, мы ничего не знаем о философии Востока. К сожалению. И более того, смотрим вульгарно на кришнаитов, предполагая, что это какие-то «неправильные люди». Я видел многих туристов, которые приезжают в Индию со своей водой и ею чистят зубы: дальше отела, мол, сплошная грязь. Таких большинство. **Елена Блаватская** ещё в XIX веке писала: люди полярно воспринимали Индию. Одни видят только грязь, другие – высочайшую духовность, какой нет в Западе. Когда-то мы поехали в Индию с приятелем: он – больше по барам, а я пошёл пешком по всем их храмам. Теперь-то я понимаю: карма. Это было не «я приехал», это судьба меня привела туда. Для чего-то. С какой-то целью. Теперь я её осознаю. Прощли годы – и мы поставили «Сатьяграху».

– Качественный рывок театра многие связывают с получением в 2008 году правительственного гранта, а ещё со статусом. Мол, театр федеральный...

– Да в федеральном подчинении театр с 1979 года! Но когда я его принял, здесь была самая низкая зарплата и самая высокая текучка кадров, самые неуклюжеватые цеха. Хор ушёл...

Грант-то можно по-разному использовать. Мне кажется, мы – яркий пример того, как заработали деньги. Мы хор восстановили. Он не хуже того, который ушёл. Восстановили балет. Переукомплектовали оперную часть труппы, и теперь что ни голос, то – песня. Наши солисты поют уже и в Маринке, и в Большом. Конечно, «федеральный» – это статусность, это помощь Москвы. Но это – не устаю повторять – и счастье региона, что у него есть федеральное учреждение. Надо использовать эту статусность для знакомости региона. В конечном счёте работаем-то мы именно на регион.

– Хотя всё чаще и чаще представляете своё искусство даже вне России. Театр начал выезжать за рубеж в то время, когда коллеги из других театров не могли себе позволить выехать даже в соседний город. Доброхоты, правда, и тут не упускали возможности связаться: мол, едут не в Европу, а на второстепенные азиатские сцены.

– На тот начальный момент оставались ещё наработке по Уфе, связи с импрессио в Бангкоке, в Португалии. Личные контакты и позволили несколько раз вывезти труппу. Но я понимал: надо срочно создавать структуру управления, в том числе – международный отдел. И уже с участием его сотрудников мы начали методично писать во все концы мира – заявляя на разные фестивали.

– Хотя всё чаще и чаще представляете своё искусство даже вне России. Театр начал выезжать за рубеж в то время, когда коллеги из других театров не могли себе позволить выехать даже в соседний город. Доброхоты, правда, и тут не упускали возможности связаться: мол, едут не в Европу, а на второстепенные азиатские сцены.

ДОСЬЕ «ОГ»

Андрей Геннадьевич ШИШКИН
● Родился в г. Уфе (Республика Башкортостан) в 1959 г.
● В 1983 г. окончил Уфимский авиационный институт по специальности «Экономика и организация производства»
● По экономической специальности работал на Уфимском моторостроительном производственном объединении (1982–1985 гг.), в министерстве культуры и национальной политики БАССР (1990–1992 гг.), на малом предприятии «Зеро» ТОО (1993–1997 гг.)
Карьера в театральном пространстве:
● 1985–1989 гг. – главный бухгалтер Республиканского академического русского театра драмы Республики Башкортостан
● 1989–1990 гг. – директор Костромского областного драматического театра им. А. Н. Островского
● 1998–2001 гг. – директор Республиканского академического русского театра драмы Республики Башкортостан
● С 2001 г. по июль 2006 г. – генеральный директор Башкирского государственного театра оперы и балета
● С июня 2006 года – директор Екатеринбургского театра оперы и балета
● Заслуженный работник культуры Российской Федерации
● Заслуженный работник культуры Республики Башкортостан
● Женат. Трое детей: Анастасия (сотрудник энергетической компании), Майя (11-й класс), Андрей (курсант Пермского суворовского училища)

БЛИЦ-ОПРОС

– Три вещи жизненно необходимые, окажись вы на необитаемом острове?
– На необитаемом острове главное – иметь стимул бороться. Ради чего жить? Ради кого? Ради каких истин сопротивляться? Это понятие. Остальное приходит. В фильме «Мотылёк» герой *Дастина Хоффмана* даже после 20 лет заключения делает плот, чтобы сбегать из Французской Гвианы. У него дикое желание жить. Жизнь – главное, чем мы обладаем. За неё стоит бороться.

– Неисполнившаяся мечта детства?
– Я родился в маленьком пригороде маленького города. И наверное, даже сам того не формулируя, всю жизнь стремился в центр. Вы же понимаете: у «детей Арбата» – иные возможности. Они и сегодня в Москве иные, чем в Уфе или Екатеринбурге. Другое дело, что сегодня мы уже порой летим в Европу или Америку, минуя Москву. Главное, чтобы оставалось детское желание познавать мир.

– Самое впечатляющее для вас театральное событие последних лет?
– «Парсифаль» в Вене. Пять с половиной часов, шесть антрактов...

– Место, где вы наиболее адекватны самому себе?
– Есть такое выражение: «В Европу мы едим в гости, а в Азию – домой». Это про меня. На Востоке (Таиланд, Камбоджа, Индия) чувствую себя естественнее, комфортнее. В Индию я приехал, зная единственную английскую фразу, но, легко преодолев в себе зажатость, заговорил. Кстати, какое-то время говорил с диким акцентом на хинди.

– Обязательные для вас газеты либо ТВ-передачи, которые нужны для включённости в мир?
– Слава Богу, три года назад я выключил телевизор. Сейчас у меня его просто нет. Это величайшее счастье. Только Интернет – «Евроньюс».

– Суверенный ли вы человек?
– Нет. Верю, что всё предопределено. Всё подчинено закону кармы. Каждому человеку даётся шанс, и каждый его принимает вызов, идёт навстречу, либо отступает. Постоянный экзамен. Но случайностей не бывает.

– Если бы у вас была возможность постажироваться как директору в любом театре мира, то выбрали бы...
– Немецкий театр! И неважно – Дрезден, Мюнхен, Берлин, Ганновер... Там есть чему поучиться. Всё отлажено, всё работает. А в «Ла Скала» я залез на крышу – там голубы всё загадили: система штанкетов не работает...

– Любимое время суток?
– Я ложусь спать очень рано. Не поверите – в 7-8 часов (дни премьер – исключение). Зато встаю в 5-6 часов. В выходные – вообще в 3 утра. И самое любимое время: когда я дома, когда все вопросы решены – перед уходом ко сну я ставлю музыку. Такой релакс!

– В самой отчаянной ситуации что вас поддерживает?
– Всегда беру паузу и жду, что скажет внутренний голос. Это первое. Второе – чем критичнее ситуация, тем больше я собираюсь.

– Если не театр, то что?
– У индусов есть поверье: мужчина должен прожить две жизни. Первая – семья, дети, бизнес, наследство. А вторая жизнь – сам есмь. Предоставить себя духовной жизни... Рано или поздно моя жизнь в театре закончится, и я знаю точно: я уеду на Восток. Там всё кипит. Там жизнь. Сидеть в полостной пижаме у подъезда я не буду...

В Башкирском оперном театре, с дочерью Майей. Снимок сделан лет 12 назад. Кадр редкий, но символичный: для нашего героя Театр и по сей день – главная любовь и семья